



Роланд Тимербаев

О ЛИВИИ, ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЕ  
И ГЕРБЕРТЕ ФОН КАРАЯНЕ, А ТАКЖЕ ДРУГИЕ СЛУЧАИ  
ИЗ ЖИЗНИ

**В сентябре 2007 г. у крупнейшего российского специалиста в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), одного из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) юбилей – послу Роланду Михайловичу Тимербаеву исполняется 80 лет. К этой дате ПИР-Центр готовит выпуск книги воспоминаний одного из основателей нашей организации, нашего учителя и старшего товарища. Фрагменты из будущей книги мы предлагаем ниже.**

Мои друзья и приятели не раз просили меня заняться написанием воспоминаний о прожитых годах и, особенно, об участии в рассмотрении проблем ядерного нераспространения и разоружения, очевидцем и участником которых мне довелось быть, да я все отнекивался. Во-первых, неизменно отвечал я на эти предложения, вряд ли мои воспоминания будут представлять интерес для возможных читателей, поскольку, хотя я и был свидетелем многих судьбоносных событий и международных переговоров моего времени, но достаточно высоких постов не занимал и потому с крупными политическими фигурами того времени общался мало, а если и общался, то только эпизодически. Во-вторых, память столь несовершенный инструмент, что многое из того, что я видел или пережил, уже стерлось из памяти, и поэтому неизбежны неточности и даже, возможно, значительные ошибки, ведь любые мемуары, увы, грешат ими (впрочем, в последнее время, освободившись от многих повседневных обязанностей, я занялся поиском своих дневниковых записей и кое-какие мне удалось найти). И, в-третьих, по натуре и жизненному опыту я больше склонен к научным исследованиям, основывающимся на документах и твердо проверенных фактах, хотя и здесь случаются погрешности, а иногда, может быть, даже и большие.

Но вот некоторое время тому назад, рассказав одному хорошему приятелю *анекдот* из моей жизни и выслушав от него – в который раз – предложение заняться воспоминаниями, я, наконец, уступил и взялся за перо, то бишь сел за компьютер. Слово *анекдот* я употребляю в его исконном смысле, то есть не в качестве какой-нибудь придуманной мною или кем-либо еще байки, а, пользуясь определением Владимира Даля, как «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае», то есть рассказ из реальной жизни. Именно в этом смысле часто употребляли понятие *анекдот* в прошлом, например Ф.М. Достоевский или А.И. Герцен.

*Анекдоты* мои, главным образом, будут не обо мне самом, но неизбежно своим участием в описываемых событиях я буду создавать какой-то фон и фигурировать в рассказах постольку, поскольку я был очевидцем, свидетелем того или иного случая с кем-либо из значительных или интересных людей, случая, который заслуживает, с моей точки зрения, быть запечатленным. Те события и эпизоды, которые найдут отражение в моих записях, не будут расставлены в хронологическом или каком-либо ином порядке, а будут



Ы  
И  
Ц  
И  
И  
Р  
Н  
О  
Т  
А  
Т  
С  
И  
С

излагаться по мере того, как они всплывают в моей памяти. Ведь мы не вольны распоряжаться тем, как возникают воспоминания, обычно это происходит неожиданно, спонтанно. Но в целом из клочков или кирпичиков складывается мозаика, дающая общее представление о пульсе прожитой эпохи. Главное, что движет мной, – это желание оставить для потомства мое представление о сути и духе того века, в котором мне довелось жить, и о многих событиях, пережитых мной в то время, то есть во второй половине XX столетия. И начну я как раз с того случая в моей жизни, который припомнился мне в упомянутом разговоре с моим добрым приятелем.

Не исключено и даже вполне возможно, что нижеизложенные рассказы из моей жизни могут содержать ошибки или неточности, но Господь, надеюсь, будет милостив, поскольку возможные недостатки или иные упущения отнюдь не будут намеренными, а явятся лишь следствием человеческой слабости. Я буду говорить правду так, как она мне виделась, но человеку свойственно ошибаться, да ведь любая правда, как ее видит и оценивает тот или иной человек, так или иначе субъективна. У читателей, может быть, сложилось иное представление о том или ином факте, описываемом мною. Надеюсь все же, что мои рассказы помогут будущему читателю лучше разглядеть и понять ту непростую эпоху, в которой жило мое поколение и я вместе с ним.

Практически всю свою профессиональную жизнь я занимался вопросами международной безопасности и деятельности международных организаций и, в особенности, проблемами контроля над вооружениями и вопросами нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Работая в системе МИД СССР/РФ в Москве и в загранучреждениях, я представлял страну в ООН и других международных организациях (в частности, в Международном агентстве по атомной энергии), а также участвовал в двухсторонних (главным образом с Соединенными Штатами) или многосторонних переговорах в сфере контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения. В том числе принимал участие в переговорах в 1966–1968 гг. по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия. В последние же годы занимался в основном научно-преподавательской и публицистической деятельностью – опять же в области международной безопасности, ядерного нераспространения и разоружения.

Но в своих воспоминаниях я буду касаться и многих других событий, свидетелем которых я был, потому что моя главная цель все же состоит в том, чтобы познакомить читателей с моим видением той многоликой и сложной эпохи, в которой я жил. Итак, я начинаю свои рассказы из жизни.

## **КАК НАЧИНАЛАСЬ ПРО**

Кирилл Васильевич Новиков, заведующий Отделом международных организаций МИД СССР с 1964 г. вплоть до своей отставки в 1973 г., был учителем и патроном целого поколения молодых дипломатов. Он был в высшей степени профессионалом, глубоко, нестандартно и – главное – не идеологически понимал государственные интересы страны и отлично умел их защищать. Был он прирожденным наставником, что позволило ему успешно прививать эти свои качества многим из нашего поколения молодым дипломатам.

Кирилл Васильевич одним из первых в МИДе всерьез заинтересовался проблемой ограничения систем противоракетной обороны (ПРО), полностью сознавая, что практически нереально разработать и создать эффективную территориальную и даже более ограниченную систему противоракетной обороны и что попытки развернуть ее могут только подтолкнуть другую сторону к новому витку наступательных стратегических вооружений в целях преодоления такой системы. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты еще в 1961 г., и вокруг Москвы начиналось строительство первого района противоракетной обороны А-35, которую американцы потом окрестили *Галашей*. Позиция советского руководства была до наивности простой: оборона – благо, нападение – вред. А в США уже создавались межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), ко-

торые могли бы легко преодолеть нашу ПРО. Нечего и говорить, что создание ПРО повлекло бы за собой многомиллиардные и при этом бесперспективные затраты. Сами США осуществили первый перехват ракеты гораздо позднее и стали создавать систему защиты МБР в районе Гранд Форкс (шт. Северная Дакота), но потом, поняв бесполезность этого проекта, отказались от него. Не стали они создавать и территориальную систему противоракетной обороны *Сэйфгард*.

Примерно с начала 1964 г. влиятельные представители администрации США начали делать *заходы* к ответственным советским представителям с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО. Очевидно, первым таким обращением была беседа Уильяма (Билла) Фостера, директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению (АКВР) и близкого друга министра обороны Роберта (Боба) Макнамары, с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г.<sup>1</sup> В Москву поступали сообщения и об обращениях к заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, и к видным советским ученым, участникам Пагуошского движения, и к другим официальным и неофициальным лицам.

Новиков дал мне поручение тщательно собирать все эти сообщения с обращениями к нам, и со временем у меня образовалась *критическая масса* таких обращений. Как мне помнится, кажется, в конце 1965 г. или в начале 1966 г. Кирилл Васильевич, уходя в отпуск, дал мне указание при удобном случае доложить министру и просить его внести в Политбюро предложение поручить соответствующим ведомствам основательно разобраться во всей этой проблеме и выработать позицию по ПРО для использования в наших внешнеполитических действиях. Громыко, мгновенно уловив суть проблемы, дал указание подготовить *порученческую* записку в ЦК, которую я и принес ему буквально чуть ли не на следующий день. Он тут же подписал ее, но из приложенного к ней проекта постановления Политбюро вычеркнул своим привычным тупым синим карандашом слова «в трехмесячный срок» (то есть постановление ЦК не должно было устанавливать срок выполнения поручения) и сказал: быстро перепечатайте проект постановления и направляйте по адресу.

А потом началась *катавасия*. Спустя некоторое время мне позвонил по правительственному телефону (по так называемой *вертушке*) председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и один из главных идеологов советской ПРО академик Александр Николаевич Шукин и пригласил к себе в Кремль. Я был у него несколько раз, и каждый раз он не без язвительности поучал меня, благо, у нас была большая разница в возрасте, – как же можно запрещать оборону?

Но Добрынину 18 марта 1966 г. все же пошло указание провести первый зондаж о возможности достижения договоренности об ограничении ПРО, но непременно *в одном пакете* с ограничением наступательных стратегических вооружений. Посол встретился с Фостером, но тот отреагировал тогда на пакетное решение этой проблемы без энтузиазма<sup>2</sup>.

Советское руководство продолжало публично выступать против введения ограничений на ПРО, в том числе и в ходе известной встречи А.Н. Косыгина с президентом Линдоном Джонсоном и министром обороны Робертом Макнамарой в Глассборо (штат Нью-Джерси) в июне 1967 г.

И только перед открытием ДНЯО для подписания 1 июля 1968 г. между Джонсоном и Косыгиным по инициативе американской стороны состоялся обмен посланиями, в ходе чего было согласовано, что в день подписания Договора будет объявлено о том, что между двумя сторонами достигнута договоренность «вступить в ближайшее время в переговоры относительно *комплексного* (выделено мною. – *Р.Т.*) ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет». Однако из-за политических разногласий (в частности, из-за ввода войск Варшавского договора в Чехословакию) переговоры начались только в конце 1969 г. и закончились заключением Договора по ПРО и Временного соглашения по стратегическим наступательным вооружениям в мае 1972 г.



Ы  
Ц  
И  
Н  
Р  
Н  
О  
С  
Т  
Р  
А  
Т  
И  
С  
К

## ЛИВИЙСКАЯ ЗАТЕЯ

При активном содействии Советского Союза в Ливии был создан научно-исследовательский атомный центр Тажура, недалеко от столицы страны Триполи. Среди объектов атомного центра был и исследовательский атомный реактор небольшой мощности, но работавший на высокообогащенном уране (ВОУ). Хотя реактор был поставлен под гарантии МАГАТЭ, но с учетом того, что в нем использовался ВОУ, советская сторона настоятельно предложила и добилась того, чтобы в Тажуре постоянно присутствовали советские специалисты, дабы иметь уверенность в мирном использовании ядерного реактора и других установок атомного центра, а главное – для присмотра за использованием ВОУ. Ливийская сторона возражений против присутствия наших специалистов не высказывала, с учетом, конечно, и того, что просто нуждалась в их помощи.

Во второй половине 1970-х гг. лидер Ливии полковник Муаммар Каддафи направил в Москву делегацию во главе со вторым лицом руководства страны Абдель Салам Джеллудом с секретной миссией добиться от СССР за крупную сумму денег содействия в развитии ядерной программы, которая включала бы создание реактора на природном уране с замедлителем из тяжелой воды, предприятия по производству тяжелой воды, установки по переработке отработавшего топлива и выделению плутония и других соответствующих объектов. Короче говоря, речь шла о военной атомной программе, за создание которой Ливия предложила 10 млрд долл. Тогда у Каддафи деньги водились – в связи с тем, что в результате всеобщего нефтяного кризиса цены на нефть подскочили до рекордных отметок.

С советской стороны в переговорах с Джеллудом участвовали первый заместитель председателя правительства Н.А. Тихонов (который в отсутствие председателя Совета Министров А.Н. Косыгина замещал последнего) и первый заместитель министра среднего машиностроения (то есть министерства атомной отрасли) А.М. Петросьянц. Советская сторона дала принципиальное согласие на предложение Ливии, руководствуясь как стремлением поддержать арабов в их конфликте с Израилем, так и привлекательностью предложенной цены. Припоминаю телефонный разговор с заведующим секретариатом председателя правительства Б.Т. Бацановым, который, выслушав мои глубокие сомнения в правильности решения, сказал: неужели в МИД не понимают, что речь идет о получении Советским Союзом 10 миллиардов долларов? В итоге переговоров все же был согласован документ о намерениях, и, как мне потом стало известно, решено это было без согласия руководства МИД.

А спустя несколько дней в МИД на подпись министра А.А. Громыко поступила записка в Политбюро ЦК, уже подписанная министром обороны Д.Ф. Устиновым, председателем КГБ Ю.В. Андроповым, председателем Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Л.В. Смирновым, председателем Госплана Н.К. Байбаковым. В записке предлагалось мероприятие по реализации нашего обещания создать в Ливии, говоря техническим языком, полный ядерный топливный цикл (ЯТЦ). При этом выполнение постановления правительства возлагалось на Госплан и ряд промышленных министерств и ведомств.

У МИДа были серьезные возражения против всей этой затеи – в первую очередь по соображениям недопустимости дальнейшего распространения ядерного оружия, но также и с учетом сомнений в том, что Ливия сможет возместить затраты на строительство. К этому времени мировой нефтяной кризис подходил к концу, и цены на нефть начали выравниваться. Как я припоминаю, определенные возражения были и у министерства обороны. Следует заметить, что в вопросах ядерного нераспространения МИД и военные часто выступали солидарно и нередко совместно противостояли Минсредмашу, который и тогда, и впоследствии (вспомним согласие главы Минатома В.Н. Михайлова в 1995 г. на строительство в Иране газодиффузионного завода для обогащения урана) иногда довольно безответственно относился к необходимости всемерного поддержания режима нераспространения. Нужно сказать, что и тогда, и сейчас у меня остаются сомнения в правильности решения построить для Ирана АЭС в Бушере, хотя приходится считать с тем, что *поезд уже ушел*.

Для обсуждения вопроса о том, как поступить с предлагаемой «запиской в ЦК», меня вызвал в свой кабинет зам. министра Г.М. Корниенко, и мы стали обсуждать, что следует предпринять. В итоге Корниенко предложил министру А.А. Громыко такой вариант: записку в ЦК все же подписать, но сделать оговорку, в которой высказать сомнения в отношении целесообразности всего предприятия с точки зрения возможных негативных последствий для нераспространения. А.А. согласился и поручил сформулировать в одной короткой фразе буквально из нескольких слов позицию МИД и впечатать под его подписью на первом экземпляре записки в Политбюро.

Мы потратили немало времени на это, и я еще раз убедился в поразительном умении Георгия Марковича Корниенко коротко и четко формулировать мысль. В дальнейшем начались долгие совещания в Госплане о конкретных мерах по выполнению решения ЦК, и персонально эту работу возглавил первый заместитель председателя Госплана Н.И. Рыжков (впоследствии Председатель правительства), который провел несколько совещаний с участием представителей различных ведомств. От МИДа должен был участвовать заместитель министра Корниенко, который на эти совещания в Госплане обычно направлял меня, при этом, как я понимал, на меня возлагалась задача по возможности исподволь тормозить все дело. Припоминаю, что немалые трудности могли возникнуть со строительством предприятия по производству тяжелой воды, которое должно было быть возложено на министерство удобрений (тогда существовало и такое). В конце концов, так или иначе, но сделка с Ливией не состоялась, а вскоре и ливийская казна опустела.

Сейчас, после того, как Ливия под давлением США публично отказалась от своей тайной ядерной программы – и это было засвидетельствовано и подтверждено инспекторами МАГАТЭ, стало широко известно, что и в 1980-е, и в 1990-е гг. Каддафи что-то пытался сделать в направлении создания такой программы, но убедился, что это ему не под силу, да и нажим со стороны США и других западных государств оказался непреодолимым.

## ИЗВЛЕЧЕННЫЙ УРОК

Изложенная выше история с Ливией, имевшая место во второй половине 1970-х гг., явилась большим уроком для МИДа, и с его стороны были предприняты усилия к тому, чтобы не допустить повторения подобного в дальнейшем. В результате по инициативе МИД решением Политбюро была учреждена Межведомственная комиссия по нераспространению ядерного оружия на уровне заместителей руководителей соответствующих правительственных ведомств под председательством МИД (конкретно – Г.М. Корниенко), на которую было возложено предварительное согласование всех наших действий на международной арене в целях недопущения ядерного распространения.

Образование комиссии позволило быстро навести должный порядок в работе тех организаций, которые имели отношение к поставкам ядерных материалов, оборудования и технологий за рубеж. Этой полезной деятельности, имевшей большое государственное значение, весьма благоприятствовало то, что такие ведомства, как МИД, Министерство обороны и КГБ, как правило, занимали сходные позиции по вопросам нераспространения, что помогало решению экспортных вопросов на базе государственных интересов страны и сводило к минимуму возможность узковедомственного подхода.

Одним из первых важных решений было согласование постановления правительства от 13 января 1982 г. о контроле над ядерным экспортом. Документ назывался: «Положение об экспорте ядерных материалов, технологии, оборудования, установок, специальных неядерных материалов и услуг». Изложение его было опубликовано в журнале *Внешняя торговля*, № 4 за 1982 г. Положение было основано на Руководящих принципах для ядерного экспорта, принятых Группой ядерных поставщиков (ГЯП) в 1977 г. и официально представленных МАГАТЭ в начале 1978 г.<sup>3</sup> В качестве приложения к указанному Положению был утвержден и согласованный ГЯП Исходный список (*Trigger List*) предметов



ядерного экспорта, подлежащих контролю, который также был опубликован в указанном журнале. Это был первый нормативный акт, принятый в нашей стране по контролю за ядерным экспортом.

Следует отметить тот немаловажный факт, что Положение, утвержденное Совмином СССР, шло даже дальше Руководящих принципов ГЯП в том утверждении, что предметы ядерного экспорта СССР не должны были использоваться не только для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, как этого требовали Руководящие принципы, но также не должны были «способствовать достижению какой-либо военной цели». Так, например, не могли бы использоваться в качестве топлива для атомных подводных лодок.

Кроме того, в Положении содержался весьма важный пункт, согласно которому устанавливалось, что «проекты соглашений и (или) контрактов с иностранными контрагентами в части условий ядерного экспорта согласовываются с Государственным комитетом по использованию атомной энергии СССР и Министерством иностранных дел СССР». Таким образом, ни одна сделка в области ядерного экспорта не могла состояться без согласия МИД. Практически эту функцию исполнял Отдел международных организаций МИД.

По предложению Межведомственной комиссии (инициатива исходила от МИДа и Минобороны) была также начата работа по подготовке общесоюзного законодательства по использованию атомной энергии. Для этого в рамках академического института государства и права была создана специальная группа под руководством известного юриста А.И. Иойрыша. Эта работа принесла свои плоды. Уже в постсоветский период Государственной Думой были приняты важные акты, установившие законодательную основу для использования атомной энергии, включая и вопросы ядерного экспорта. Опыт работы Межведомственной комиссии было бы полезно воспользоваться и в настоящее время.

## ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Расскажу о знаменитом дирижере Герберте фон Караяне, точнее, о его последнем концерте. Но вначале несколько предваряющих слов.

Когда я работал в Вене постоянным представителем СССР/России при международных организациях (1988-1992 гг.), мне удавалось довольно часто посещать симфонические концерты в *Musikverein*, где была выделена дипломатическая ложа для руководителей иностранных загранпредставительств. Постепенно я познакомился с некоторыми известными музыкальными деятелями, в том числе с дирижером Клаудио Аббадо, скрипачами Гидоном Кремером и Викторией Мулловой, певцом Евгением Нестеренко (последний даже согласился дать сольный концерт в советском представительстве), главным дирижером Кисловодского симфонического оркестра Юрием Власовым. Среди моих знакомых был и руководитель австрийского отделения *Deutsche Grammophon Gesellschaft* Эвальд Маркль.

Эвальд Маркль и сообщил мне, что 23 апреля 1989 г. состоится концерт Герберта фон Караяна, причем ввиду серьезной болезни дирижера, которому было уже за 80 лет (болезнь позвоночника), возможно, это будет его последний концерт.

Караян выбрал для концерта, состоявшего всего из одного отделения, Седьмую симфонию Антона Брукнера. Народу набилось *под завязку*, в дипломатической ложе все стояли плечом к плечу, в зале были заняты даже проходы между рядами. Рядом со мной оказался Юрий Власов.

Когда дирижер появился на эстраде, зал замер. Караян медленно, с трудом передвигая ноги, но все же попытался самостоятельно пройти к подиуму и решительными жестами отказывался от попыток музыкантов помочь ему дойти до своего места и сесть на специ-

альный стул. Но вот он взмахнул дирижерской палочкой, и полилась торжественная музыка.

Седьмая симфония Брукнера – одна из самых грандиозных симфоний классического репертуара. По-моему, каждый понимает музыку по-своему, даже если она заведомо является программной. В моем ощущении эта симфония представляет собой как бы повествование о жизни человека в окружающем его мире, о связи его с природой, с Богом. В ней есть и радость, и трагические ноты, но главное – это борьба человека с силами зла, за победу сил добра.

Когда смолкли последние звуки, раздалась бурная овация, продолжавшаяся десять, двадцать или больше минут. А потом все бросились вниз, чтобы проститься с великим дирижером. Машину забросали цветами, и она медленно двинулась в сторону его любимого Зальцбурга. Все чувствовали, что больше его не увидят и не услышат. Караян скончался спустя два или три месяца.

У меня до сих пор хранится компакт-диск с записью последнего концерта Герберта фон Караяна.

Разбирая не так давно свои архивные залежи, обнаружил дневниковую запись о концерте Караяна, сделанную по горячим следам:

«23 апреля 1989 г.

Сегодня был в *Musikverein* на 7-й симфонии Антона Брукнера в исполнении *Wiener Philharmoniker* под руководством Герберта фон Караяна.

Дирижер вышел, поддерживаемый служителями, без помощи которых он не мог бы дойти до подиума. Караян страдает серьезной болезнью позвоночника, он перенес несколько операций и самостоятельно передвигаться не может. Но, встав на подиум, он полностью преобразился, и вскоре присутствующие напрочь забыли, что за дирижерским пультом серьезно больной человек, в сущности, инвалид.

Один знакомый дирижер, выдавший Караяна накануне во время записи симфонии Брукнера, заметил, что Караян столь же эмоционально, по-юношески дирижирует, как если бы ему было 25 лет.

Думаю, не случаен выбор 7-й симфонии Брукнера. Это одно из наиболее духовно возвышенных музыкальных произведений, утверждающих величие, победу человеческого духа над человеческой плотью, над всем остальным, над миром. Конечно, в какой-то, а может быть, значительной мере чувствуется у Брукнера немецкий дух, ну а почему бы и нет?

Когда Караян положил дирижерскую палочку на пюпитр, наступила пауза, а потом разразился гром аплодисментов. Уж не помню, сколько раз он выходил к зрителям. Все чувствовали, что наступил момент прощания последнего могоиканина из плеяды великих дирижеров. Еще до сегодняшнего концерта многие высказывали мнение, что это будет его последним появлением перед музыкальной аудиторией.

И, действительно, назавтра, в понедельник 24 апреля, Герберт фон Караян направил письмо руководителю ведомства культуры в правительстве Западного Берлина, сенатору г-же Анке Мартини с коротким сообщением, что он снимает с себя обязанность пожизненного дирижера *Berliner Philharmoniker*, которую он занимал с 1955 г. ».

## ИГРЫ В СТИЛЕ ООН

С Андреем Януарьевичем Вышинским я неоднократно встречался в 1949–1952 гг., когда он был министром иностранных дел. Министр с большим вниманием относился к деятельности ООН и регулярно участвовал в заседаниях Генеральной Ассамблеи в качестве главы советской делегации. Понятно, что и в Москве он живо интересовался работой Отдела по делам ООН, предшественника Отдела международных организаций, и даже



Ы  
Ц  
И  
Н  
Р  
Н  
О  
А  
Т  
Р  
С  
Т  
И  
Н

сам проводил производственные совещания сотрудников отдела, вызывая всех их, в том числе и меня – самого молодого, в свой министерский кабинет.

При мне министр приезжал в Нью-Йорк на сессии Генассамблеи в 1950 и 1952 гг. (сессия 1951 г. проходила в Париже, в ней я не участвовал). Видимо, Вышинский обратил внимание на меня, так как в 1950 г. я был назначен старшим группы письменных переводчиков, в которую вошли хорошо знающие английский язык дипломаты, вызванные из Вашингтона и Оттавы. Некоторые из них были намного старше меня.

На нас была возложена задача переводить тексты выступлений представителей различных стран с тем, чтобы министр мог с ними ознакомиться и при необходимости дать ответ. Это он очень любил делать. Вообще говоря, он был отличным оратором-полюемистом. Вот один пример. Однажды министр иностранных дел Ливана Чарльз (Шарль) Малик, по первоначальной профессии профессор философии, обрушился на Советский Союз с какими-то обвинениями. Вышинский тут же попросил слова и произнес под гром аплодисментов известное место из стихотворения Генриха Гейне:

Семьдесят семь профессоров,  
И, Отечество, Ты погибло!<sup>4</sup>.

Переводчики обычно работали по вечерам и даже по ночам, чтобы Вышинский мог вовремя ознакомиться с переводами выступлений. На меня была возложена ответственность за правильность переводов, и вот как-то ночью меня будят: вызывает министр. Я тут же оделся и явился к нему, и он отчитал меня за то, что какое-то место в выступлении югославского представителя, по его мнению, было переведено неправильно. Это, действительно, было так. Министр сравнительно мягко пожурил меня, и я заверил его, что такая оплошность больше не повторится. Я уже собирался уходить, но он задержал меня и вызвал другого подчиненного, который дожидался своей очереди в приемной.

Им оказался Юрий (Георгий) Павлович Францев, заведующий Отделом печати МИД, который до этого был директором МГИМО в мою бытность студентом института. Ю.П. был глубоко уважаемым студентами и всеми, кто его знал, человеком, звали мы его за глаза *папой Юрой*. И в моем присутствии Вышинский в самой грубой форме стал его распекать и даже кричать на него. Затем он схватил лежавший на письменном столе документ, который был подготовлен Францевым, и с силой бросил его через весь кабинет, и Ю.П. пришлось побежать за ним. А кабинет был очень большим, длиной, может быть, в 20 метров. Это был самый большой зал виллы нашего представительства в Гленкове.

Меня пробил пот от жестокого отношения Вышинского к глубоко уважаемому и совсем немолодому и грузному человеку. Потом я часто вспоминал этот случай, когда больше узнал о чудовищных, кровавых делах Вышинского во время его пребывания на посту генерального прокурора в период сталинских репрессий 1930-х гг.

Еще один эпизод в моей жизни, связанный с Вышинским. В июне 1950 г. развернулась корейская война. Ее, конечно, как известно, начал руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен, вторгшийся в Южную Корею с согласия Сталина и Мао Цзэдуна. Но наша дипломатия и пропагандистская машина изо всех сил старались доказать, что войну будто бы спровоцировал Ли Сын Ман, руководитель Южной Кореи, который якобы сам первым вторгся в Северную Корею.

Я тогда вел в представительстве корейский вопрос, и мне было поручено собирать материалы и составлять досье с уклоном на то, что во всем виновата Южная Корея. Это, конечно, было совсем не простым делом, но я все же подготовил довольно много различных материалов. Когда осенью на сессию ООН прибыла делегация из Москвы, мне передали и те материалы, которые были подготовлены в МИДе. Все эти материалы я должным образом систематизировал, их накопилось больше 30 папок.

Первым выступал государственный секретарь США Дин Ачесон, который в своей речи, продолжавшейся 2 часа 40 мин. (я точно замерил то время, что он говорил), обрушил об-



винения на Северную Корею, а также и на Советский Союз и Китайскую Народную Республику (СССР направил на помощь КНДР свою авиацию, а КНР – *китайских народных добровольцев*). Вышинский смолчал и по возвращении в Гленков поручил мне расположить все мои досье по корейскому вопросу в определенном порядке в своем домашнем кабинете прямо на ковре, лежащем на полу, что я и сделал. Министр заперся на два-три дня и самолично диктовал выступление своей стенографистке.

После того, как речь была подготовлена, мне оставалось только проверить точность конкретных данных, дат и фактов. Выступление свое он не без блеска произнес в ООН, и продолжалась оно ровно на час больше, чем речь Ачесона, – 3 часа 40 мин.

Еще один *анекдот* о моих контактах с А.Я. Вышинским. Дело было в том же Гленкове. Он неплохо играл в русский бильярд и предложил сыграть с ним как-то в свободное время поздно вечером одну-две партии. Но первая партия сложилась не в его пользу. Мне неожиданно стало удивительно везти, и счет быстро достиг критической точки: 7:0 в мою пользу, а игра в «американку» (сейчас ее, кажется, называют русской пирамидой) идет до восьми выигранных шаров, причем случайно залетевшие в лузу шары – *дураки* – тоже засчитываются. Но тут ко мне подошел личный врач министра и шепнул на ухо, что я непременно должен проиграть, иначе Вышинскому может стать плохо, поскольку он сильно переживает свои поражения, и ему – врачу – «придется с ним ночью долго возиться». Не знаю уж как, но мне все же удалось проиграть эту партию. Естественно, проиграл я министру и вторую партию.

И, наконец, последний эпизод. После смерти Сталина министром иностранных дел снова стал В.М. Молотов, а Вышинский был понижен в должности до поста первого замминистра и постоянного представителя в ООН. В конце 1954 г. он неожиданно скончался в Нью-Йорке, тело его доставили в Москву и были устроены довольно пышные похороны. Его гроб, а потом урна с прахом были установлены в Доме Союзов, где состоялось прощание с покойным, потом урну захоронили в Кремлевской стене. К этому времени я уже возвратился в Москву и работал в МИДе. Мне была оказана *честь*: я вместе с кем-то нес огромный венок от Дома Союзов до Красной площади.

## КАРИБСКИЙ КРИЗИС

В октябре 1962 г. разразился так называемый «Карибский кризис» (американцы называют его *Кубинский ракетный кризис* – *Cuban Missile Crisis*). Тогда я работал в Нью-Йорке советником нашего представительства при ООН. Это был самый острый ракетно-ядерный кризис за все долгое время холодной войны между СССР и США. Мир оказался на грани войны, притом ядерной. Именно тогда обе стороны и весь мир впервые в полной мере осознали, что собой представляет ядерное оружие. Имея в своих арсеналах уже сотни и тысячи единиц этого оружия и средств его доставки, люди, наконец-то, поняли, что это, собственно говоря, не есть оружие, способное поставить на колени противоположную сторону – его залповое применение одной стороной может нанести непоправимый ущерб и другой стороне, да и миру в целом, а так называемый *случайный* или *несанкционированный* пуск может вызвать эскалацию конфликта и привести к всеобщей ядерной войне с теми же катастрофическими результатами.

Некоторые военные – и наши, и иностранные – обычно возражают против подобной логики, но ведь никогда такое развитие событий не было опробовано, и бездоказательное утверждение о возможности *малого, не всеобщего* ядерного конфликта, говоря юридическим языком, является ничтожным.

Суть Карибского кризиса вкратце состояла в том, что Н.С. Хрущев приказал тайно доставить на Кубу несколько десятков ракет с ядерными боеголовками, способных поразить Америку (надежных межконтинентальных ракет у нас тогда или не было, или было совсем мало, а США имели, кроме МБР, и тактические ракеты в Европе, нацеленные на советскую территорию). Соединенные Штаты, узнав с помощью аэрофотосъемки о на-



хождении на *острове Свободы* ядерных ракет, настояли на вывозе ракет из Кубы, взамен дав гарантии ненападения на нее. Хрущеву пришлось с этим согласиться. О Карибском кризисе написаны сотни книг, я же расскажу только о том, что в то время происходило в ООН.

Мы в Нью-Йорке не знали о доставке на Кубу ядерных ракет. (У меня был допуск к шифрпереписке по кубинской проблеме, впрочем, не могу утверждать, что мой шеф В.А. Зорин тоже ничего не знал, поскольку некоторые телеграммы адресуются под особым грифом только послу, и он может не разметить их для ознакомления своим сотрудникам). Но в тех сообщениях из Москвы, которые я читал, содержались указания отрицать присутствие наших ракет на Кубе.

По требованию США было созвано экстренное заседание Совета Безопасности. Оно было назначено на три часа дня. Стало известно, что американцы к нему тщательно подготовились, развесив в зале Совета аэрофотоснимки, на которых было видно, где размещены советские ракеты. Мы в представительстве подготовили для Зорина выступление, в котором безосновательно утверждалось, что ракет на Кубе нет.

В ООН царил паника, работа в секретариате практически прекратилась, его сотрудники и представители многих стран старались проникнуть в переполненный зал Совета Безопасности, чтобы присутствовать на заседании.

Около 12 часов дня меня вызвал к себе Зорин. (Квартира его находилась на последнем этаже здания представительства). Посол был в постели и чувствовал себя очень плохо – так с ним иногда случалось, даже бывали обмороки при сильных стрессах. Поскольку заместителя постпреда П.Д. Морозова никак не могли разыскать, Зорин поручил мне представлять Советский Союз и передал мне текст нашего выступления. Но спустя некоторое время он, немного отдышавшись, все же нашел в себе силы поехать на заседание: Зорин был весьма ответственным человеком.

На заседании Совета Эдлай Стивенсон учинил форменное судилище над нами. Зорин как мог отбивался, но переубедить американцев, конечно, не удалось. Правда на этот раз была на их стороне: Хрущев вскоре признал наличие советских ядерных ракет на Кубе и вывел их оттуда. А Зорина через некоторое время отозвали в Москву, поскольку в дипломатической практике не принято оставлять на своем посту посла, который публично говорит неправду. Но спустя немного времени Зорина назначили послом в Париж.

Для полного завершения урегулирования Карибского кризиса и оформления необходимых договоренностей через ООН в конце 1962 г. в Нью-Йорк прибыл первый заместитель министра иностранных дел В.В. Кузнецов. Я помогал ему в некоторых делах, связанных с урегулированием кубинской проблемы. В период пребывания Кузнецова как-то ночью меня будят и сообщают, что американское Федеральное бюро расследования (ФБР) – аналог нашего КГБ, а теперь ФСБ – арестовало двух работников нашего представительства и надо их вырывать (такая функция заранее была возложена на меня). Я приехал в Нью-Йоркское отделение ФБР, тогда размещавшееся на углу 69-й улицы и 3-й авеню (сейчас это жилой дом, и много позднее, лет через 25, я в нем даже жил), меня провели в кабинет директора, который задал мне вопрос: являются ли задержанные сотрудниками представительства? Я подтвердил их принадлежность к представительству и их дипломатический статус. Американец сказал, что они пойманы с поличным во время получения разведывательных сведений и должны незамедлительно покинуть США. Вид у наших ребят был плачевный, они были сплошь перевязаны бинтами. Видимо, пытались оказать сопротивление, и их порядочно избили. Когда мы выходили, собралась куча журналистов, и наши фотографии попали в утренние газеты.

Через некоторое время я зашел к В.В. Кузнецову и рассказал о случившемся. Он при мне вызвал резидента ГРУ и устроил ему сильнейшую выволочку. Мы только что миновали серьезнейший кризис, мир чуть-чуть не оказался на грани войны, почти кричал на адмирала вечно спокойный и уравновешенный Кузнецов, а вы тут устраиваете всяческие авантюры! Вскоре резидент был отозван.

## ДЕЛО ШЕВЧЕНКО

Об Аркадии Николаевиче Шевченко сказано и написано немало, были о нем даже передачи по нашему телевидению. Да, он оказался «невозвращенцем», предателем родины, и не может не вызывать презрения. Но как на деле все это произошло – сие широкой публике мало известно, а о достоверности того, что появляется в СМИ, говорить не приходится. Я расскажу о Шевченко так, как лично видел события, связанные с ним. Думаю, что об этом полезно написать для тех, кто будет изучать нашу эпоху. Сам Шевченко вряд ли представляет существенный интерес для будущих историков, но обстановка этой эпохи заслуживает внимания и изучения. Конечно, я не мог знать всех фактов, относящихся к делу Шевченко и, возможно, в чем-то или даже во многом ошибаюсь, но, вообще-то говоря, есть ли индивидуумы или какие-либо правительственные или иные органы, которым известны все факты?

Представители нашей разведки, даже высокопоставленные, стараются изобразить Шевченко как человека, который будто бы задолго до перехода на сторону США был американским шпионом и уже тогда передавал ЦРУ *важные государственные секреты*. По нашему телевидению сообщалось, в частности, в телепередаче канала *Россия* 14 декабря 2004 г., что Шевченко информировал ЦРУ о том, как в Москве принимаются решения на высшем государственном уровне, и это будто бы была чрезвычайно важная для Вашингтона информация. Неужели и без Аркадия американцы не знали, как функционирует Политбюро и другие высшие инстанции страны? У меня версия о шпионской работе Шевченко до его *разрыва с Москвой* вызывает большие сомнения, потому что тут же возникает естественный вопрос, а зачем ему, занимавшему столь перспективное положение в советской иерархии, все это было нужно? Вопрос остается без ответа. В действительности все обстояло намного проще, банальнее и очень *по-нашенски*.

Я хорошо знал Аркадия. Он пришел из аспирантуры МГИМО в референтуру по разоружению Отдела международных организаций, которую я тогда фактически возглавлял, кажется, в 1956 или 1957 году. И сразу же зарекомендовал себя способным и трудолюбивым сотрудником. Работать с ним было очень легко, немало различных документов мы изготовили, действуя в паре. Вскоре он практически стал как бы моим заместителем, хотя такая должность официально не существовала. В 1958 г. меня командировали в наше представительство в Нью-Йорке, и в дальнейшем мы сравнительно редко взаимодействовали, в основном только на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, но считались друзьями.

Довольно скоро обнаружилось, что Аркадий чрезвычайно амбициозный человек, до мозга костей карьерист и к тому же безмерно увлечен стяжательством. У него был и еще один крупный *грех* – он сильно выпивал и со временем стал запойным пьяницей. Именно это обстоятельство, я думаю, и сыграло решающую роль в его падении.

Притом у него выработалось чувство полной вседозволенности, за что большая вина лежит на А.А. Громыко и особенно на его жене Лидии Дмитриевне. Зная пристрастие жены Громыко к дорогим подаркам, Аркадий и его жена Лина неизменно во все приезды министра с женою в Нью-Йорк делали им большие подношения, в том числе дарили и драгоценности. Я хорошо знал Громыко в течение многих десятилетий, и мне было известно, что он всегда особо приближал к себе людей, лично ему преданных. Следует добавить, что Шевченко закончил МГИМО одновременно с сыном Громыко Анатолием. Они были приятелями и написали в соавторстве несколько статей. Именно личные контакты с Громыко и его семьей позволили Аркадию очень быстро получить ранг посла и занять лакомый для него пост заместителя Генерального секретаря ООН.

Хорошо помню, что когда я заходил к нему в кабинет заместителя Генерального секретаря ООН в мои приезды на сессии ООН, он неизменно был уже *на взводе*. Даже если это было утром, он, прежде чем вступить в беседу со мной, открывал ящик канцелярского файла, который служил ему в качестве бара, наливал себе изрядную порцию виски, предлагал вино и мне, и только после этого начинал разговор.



В 1975 г. в Женеве состоялась первая из обзорных конференций по Договору о нераспространении ядерного оружия, задача которых состоит в том, чтобы рассматривать ход выполнения этого договора, делать необходимые выводы и согласовывать рекомендации на будущее. Аркадий прилетел в Женеву из Нью-Йорка в качестве представителя Генерального секретаря ООН и на первом заседании конференции, как это принято, зачитал его послание, адресованное участникам конференции. А потом исчез. Шла первая неделя конференции, я был чрезвычайно занят делами и не заметил отсутствия Шевченко на председательском подиуме зала для конференций Женевского Дворца Наций.

Спустя некоторое время ко мне подходит сотрудник Аркадия, мой старый приятель – заведующий отделом разоружения секретариата ООН швед Рольф Бьернерштедт и говорит, что Шевченко пропал, отсутствует уже целую неделю. Все в секретариате конференции обеспокоены тем, что он неожиданно, никого не предупредив, исчез и не подает никаких признаков жизни, не заболел ли он чем-то серьезным?

Через знакомых я довольно быстро узнал, где Аркадий остановился (на квартире у знакомых, выехавших в отпуск в Союз), попросил советника делегации Бориса Красулина (который, увы, скончался в мае 2004 г.) сопровождать меня и направился на квартиру Шевченко. С Борисом мы долго звонили и стучали в дверь, просили Аркадия открыть – никакого ответа. Но нам обоим послышалось какое-то движение или шорох. И без лишнего слов, не обмениваясь даже впечатлениями, мы поняли, что у Шевченко очередной запой. Вернувшись на конференцию, я сказал Рольфу, что Аркадий немного приболел, но вскоре объявится.

И действительно, на следующий день он появился на конференции, но по его красно-бурой распухшей физиономии было ясно видно, чем он занимался целую неделю. Аркадий вдруг стал на редкость предупредительным в контактах со мной, подчеркивал особый характер наших отношений, обещал всемерную помощь секретариата советской делегации, рассказывал о тенденциях, уже выявившихся на конференции и т. д. и т. п.

Еще один случай, характеризующий Аркадия. *Анекдот* этот имел место раньше конференции 1975 года – наверное, в 1967 или 1968 году. Шевченко работал в нашем представительстве при ООН уже старшим советником и, приехав домой в отпуск, пригласил меня в ресторан (или кафе?) «Хрустальный», что на углу Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы. После первых же рюмок он вдруг спросил, а почему бы мне не войти в *близкий круг* министра, ведь это откроет широкие перспективы для моей дальнейшей карьеры. Хочешь, я тебя привезу к нему на дачу хоть в ближайшее воскресенье? Я, конечно, нашел повод уклониться, не раскрывая перед ним моего отношения к вопросам карьерным на основе личных контактов.

Перехожу теперь к тому главному, о чем хотел сказать, – как Шевченко изменил родине и перешел на сторону США. Наши соответствующие органы, конечно, хорошо знали основную *слабость* Аркадия, были обеспокоены – что вполне объяснимо и понятно – тем, как бы американская разведка, воспользовавшись этой его *слабостью*, не попыталась его завербовать, и, насколько мне известно, неоднократно ставили перед Москвой вопрос об откомандировании Шевченко в Союз. Уверен, что вопрос о его отзыве обсуждался на весьма высоком уровне – как мне говорили, между Андроповым и Громыко. В конце концов было решено его отозвать, но сделано это было так неловко и грубо, что не могло не привести к уходу Аркадия Шевченко.

В мае–июне 1978 г. должна была состояться первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Этому мероприятию в Москве придавалось особое значение. Загодя готовились директивы нашей делегации, мы активно участвовали в работе подготовительного комитета специальной сессии Генассамблеи. На одну из сессий подготовительного комитета ездил я, а на заключительную сессию этого комитета, которая проходила в апреле 1978 г. – месяца за полтора до открытия конференции – был командирован другой заместитель заведующего Отделом международных организаций – ныне покойный Геннадий Сташевский<sup>5</sup>.

На основе той информации, которой я располагал, и моих собственных непосредственных наблюдений – а я был задействован руководством МИД в мероприятиях (которые оказались абсолютно безуспешны) по обеспечению его возвращения в Союз, обстоятельства, толкнувшие Шевченко принять решение остаться в США, выглядят примерно следующим образом. В конце марта или в самом начале апреля Аркадию была направлена телеграмма, подписанная первым заместителем министра иностранных дел Г.М. Корниенко, с указанием срочно прибыть в Москву, чтобы проконсультироваться относительно того, с какими инициативными предложениями Советскому Союзу следовало бы выступить на спецсессии ООН по разоружению.

То, что Громыко сам не пожелал подписывать шифровку, а поручил сделать это своему заместителю, по-моему, было ошибкой. Подобного рода телеграммы обычно исходят не от министра, а от одного из заместителей, но случай этот был особенный. Если бы Громыко лично подписал телеграмму или, по меньшей мере, в ней было бы сказано, что указание дается по личному поручению министра, то Шевченко, учитывая особый характер его взаимоотношений с Громыко, возможно, и не пошел бы на разрыв с родиной. Ошибочным был и повод, избранный для того, чтобы объяснить необходимость командировки Аркадия в Москву. Принципиальная советская позиция по разоружению была совершенно ясной и долговременной – всеобщее и полное разоружение и запрещение атомного оружия. Внутри этой позиции могли быть предложены отдельные конкретные новеллы, но они требовали специальных профессиональных знаний, которыми Шевченко не обладал. Он превосходно знал проблему в целом, много лет посвятил ей, написал отличную книгу о разоружении, но в тот момент вся *разоруженческая кухня* кипела в Женевском комитете по разоружению. Комитет обслуживал небольшой секретариат, подчинявшийся Шевченко, но сотрудники этого секретариата занимались лишь техническим обслуживанием работы Женевского комитета. Если бы Москве потребовалась информация о том, с чем другие делегации могут придти на спецсессию ООН, то для этого не нужно было приезжать в Москву, такую информацию вполне можно было передать телеграммой или диппочтой. К тому же на сессию подготовительного комитета была направлена квалифицированная делегация во главе со Сташевским.

Еще одна допущенная в Москве промашка. Перед поездкой в Нью-Йорк у Сташевского состоялся разговор со старшим помощником Громыко Василием Макаровым, который поручил Геннадию посоветовать Аркадию «умерить свои возлияния», поскольку о его пристрастии к вину «в Москве уже ходят разговоры». Это тоже было ошибкой. Дал ли Макаров такое поручение Сташевскому по своей инициативе или с подачи министра, я не знаю, но полагаю, что это, скорее всего, сделал сам Макаров. При всей неотесанности последнего он, зная о направленном Аркадию указании срочно прибыть в Москву, все же должен был понимать, что разговор о вине в данном случае был бы неуместным.

Получив указание, Шевченко заказал билет на самолет и стал готовиться к отъезду. И тут в Нью-Йорк прибывает Геннадий Сташевский. Между Геннадием и Аркадием были особо близкие отношения, и в первый же день по приезде в Нью-Йорк Аркадий пригласил друга в ресторан, где между ними состоялась та роковая беседа, которая и привела к решению Шевченко перейти на сторону США. В ходе беседы Аркадий спросил Геннадию, как идет подготовка к сессии ООН, решено ли, с чем наша делегация придет на эту сессию? Сташевский, не зная о телеграмме Корниенко и ничего не подозревая об отзыве Шевченко, заверил товарища, что наша позиция уже разработана и все к сессии подготовлено. В ходе дальнейшего разговора он выполнил и поручение Макарова. Шевченко, конечно же, быстро сообразил, в какую ловушку он попал бы, если бы вернулся в Москву, и, по всей видимости, тут же решил связаться с американскими спецслужбами, что было уже, так сказать, делом техники, поскольку он не мог не знать, кто есть кто в его собственном департаменте секретариата ООН, да и за его пределами.

Как только о невозвращении Шевченко стало известно в МИДе, было решено вызвать в Москву Сташевского. Это произошло так. Утром в субботу 8 апреля 1978 г. меня срочно вызывают в МИД к первому заместителю министра В.Ф. Мальцеву, который исполнял обязанности министра в отсутствие Громыко. В это время я тоже замечал своего заве-



дующего В.Л. Израэляна, который был на обследовании и лечении в больнице. В кабинете Мальцева находился и Корниенко. Меня спросили, может ли наша делегация в подготавливательном комитете обойтись без Сташевского? Я ответил, что может, поскольку в ее состав входят и другие квалифицированные сотрудники. Но поскольку на моем лице можно было легко прочитать недоумение в связи с заданным мне вопросом, Мальцев и Корниенко решили познакомить меня с его подоплекой и рассказали, в чем дело. Тут же была отправлена телеграмма с вызовом Сташевского, а мне было поручено организовать *деликатно* откомандирование в Москву из Женевы сына Шевченко Геннадия, который находился там в составе нашей делегации в Комитете по разоружению.

Это было сделано таким образом. В Женеву было дано указание незамедлительно направиť с сотрудником делегации Геннадием Шевченко в качестве дикпурьера особо срочный документ и по приезде в Москву доставить его в Отдел международных организаций. Геннадий это поручение добросовестно выполнил. (В действительности же в пакете, запечатанном сургучными печатями, был обычный официальный документ ООН).

Как известно, Шевченко опубликовал книгу о своем переходе на сторону США. Книга («Разрыв с Москвой»<sup>6</sup>) вышла в 1985 г. В книге автор утверждает и на многих страницах подробно описывает, как он до своего ухода в течение чуть ли не двух с половиной лет работал на США. Об этом писали и американские СМИ в некрологах в связи с его смертью в феврале 1998 г. Обращает, однако, на себя внимание, что книга появилась в прилавках с большой задержкой после объявления о дате ее выхода в свет, и то, что дата выхода не раз переносилась. Встает законный вопрос, не было ли это вызвано тем, что *редакторы* из ЦРУ подолгу переписывали описание *шпионской* деятельности Аркадия, чтобы придать этому описанию хоть какую-то видимость достоверности.

Некоторые факты, приводимые в книге, извращенно подаются автором таким образом, чтобы специально очернить те или иные лица, в том числе даже и тех, кто способствовал его головокружительному взлету по служебной лестнице. Мое особое удивление вызвало описание им одного совершенно незначительного случая, очевидцем которого я был, только для того, чтобы бросить тень на своего благодетеля А.А. Громыко. Советская делегация прибыла на сессию Генассамблеи ООН сразу же после того, как наше представительство при ООН переехало в новое здание, за покупку и подготовку которого я отвечал. Вполне естественно, что обнаружили некоторые недоделки, которые случаются не только у нас, но и в США. И чуть ли не в первый же день Громыко застрял на полчаса в лифте, установленном американской фирмой. Громыко проявил полное понимание и довольно спокойно распорядился навести надлежащий порядок, что и было сделано. Шевченко же подал этот случай под тем соусом, что будто бы министр несправедливо устроил мне полный разнос и жестоко наказал меня, а это совершенно не соответствует действительности. Очевидно, этот мелкий случай Аркадий включил в книгу только для того, чтобы очернить Громыко и тем самым выслужиться перед своими новыми хозяевами.

В печати много писалось о связи Шевченко с какой-то женщиной, которую ему якобы подсунили американские спецорганы. Я не берусь оспаривать этот факт (если только это факт), но сомнения у меня имеются, и сомнения большие. Пойти на такую связь мог только сумасшедший, поскольку такое не может со временем не стать известным. Мне довелось прожить очень много лет в Америке, и я знаю, что скрыть такую связь от наших соответствующих органов в течение сколько-нибудь продолжительного времени невозможно. Аркадий слишком дорожил своей карьерой и вполне мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по службе, чтобы проявить подобное легкомыслие. Он всегда был очень расчетлив, особенно в том, что относилось к его карьере. Шевченко, действительно, имел связь с одной американкой, которую ему подсунили ЦРУ или ФБР, но это было уже после *разрыва с Москвой*. Позднее Аркадий дважды был женат – на американке и русской.

И, наконец, еще один существенный для меня момент, имеющий отношение к *делу Шевченко*. Спустя более пятнадцати лет после описанных событий, в 1993 или 1994 году, я гостил у своего друга – американского посла в отставке Джеймса (Джима) Леонарда в его имении в штате Вирджиния. Вспоминая былое, мы, между прочим, стали анализиро-

вать обстоятельства ухода Шевченко. Джим знал об этом случае в деталях, поскольку в 1978 г. он был первым заместителем постоянного представителя США при ООН и находился на связи с советским представителем ныне покойным О.А. Трояновским, когда с нашей стороны предпринимались неудачные попытки добиться возвращения Шевченко на родину. Джим уверял меня, что и тогда, и сейчас существовало и продолжает существовать строгое предписание не пытаться вербовать лиц, занимающих высокое положение, в особенности послов зарубежных государств и других лиц аналогичного или более высокого уровня. И причина этого, как сказал мне Джим, состоит в том, что на подобные посты назначают крупных деятелей, к которым правительство того или иного государства имеет полное доверие. Поэтому у нас считают, сказал он, что попытка их вербовать может вылиться в большой международный скандал. Так это или не так, судить не берусь, но хочу подчеркнуть, что с Леонардом мы знакомы десятки лет, и между нами всегда существовало полное взаимное доверие. Ко времени нашего разговора мы оба уже были в отставке, и я не могу допустить, что Джим решил бы пойти на явный обман в разговоре со мною.

Таковы известные мне обстоятельства *дела Шевченко*, и поведал я о них только ради потомков, чтобы мои возможные читатели лучше могли понять нравы прошедшей эпохи, которые наглядно характеризуются обстоятельствами этого *дела*.

## О НЕЗАВЕРШЕННОЙ КАРЬЕРЕ МОРОХОВА

Непростая судьба Игоря Дмитриевича Морохова, этого незаурядного человека, очень примечательна и характерна для многих и весьма одаренных, и менее одаренных людей, особенно в нашей стране. Мои тесные дружеские отношения с ним поддерживались в течение более десяти лет – с конца 1960 и до конца 1970 года прошлого столетия. Спорадические контакты были и позднее. Познакомился я с ним вот при каких обстоятельствах.

Первым советским членом Совета управляющих (СУ) МАГАТЭ был, как я уже писал, Василий Семенович Емельянов. Эту должность В.С., будучи заместителем министра среднего машиностроения и председателем Государственного комитета по использованию атомной энергии, занимал с 1957 г. по 1965 г. Неожиданно для МИДа в конце 1965 или в начале 1966 года в министерство иностранных дел на подпись министра поступила из министерства среднего машиностроения записка в ЦК КПСС (так обычно назывались доклады или предложения, направляемые на утверждение Политбюро ЦК), уже подписанная министром Е.П. Славским. В записке предлагалось освободить Емельянова от должности управляющего от СССР в СУ Международного агентства и на его место назначить некоего Морохова И.Д. Меня вызвал к себе первый заместитель министра В.В. Кузнецов и спросил, почему освобождают Емельянова и назначают, не посоветовавшись с МИДом, никому не известного человека. Я пожал плечами и сказал, что мне ничего не известно. Нужно сказать, что Емельянова в МИДе хорошо знали и глубоко уважали, а с Кузнецовым они вообще знали с довоенных времен и между ними сложились добрые личные взаимоотношения. Кузнецов передал мне из рук в руки записку Славского и приказал поддержать ее в моем сейфе, никому не показывая, до особого распоряжения.

Прошло что-то около двух месяцев, вызвал меня к себе Кузнецов вновь, предложил завизировать один из экземпляров этой записки и затем подписал ее оригинал, сказав, что следует срочно направить записку в ЦК. На мой недоуменный вопрос В.В. ответил без каких-либо пояснений, что решено назначить управляющим Морохова. Потом я узнал, что Кузнецов пытался отстоять Емельянова, но это ему не удалось.

Вскоре мы с Мороховым познакомились, стали часто встречаться и выезжать в заграничные командировки, устраивать неизбежные совместные застолья, что особенно сближает. Был он к тому же большим жизнелюбом и, мягко выражаясь, отнюдь не чурался женщин. И.Д. оказался очень умным, а, главное, энергичным и инициативным человеком. Со временем мы с ним сдружились.



Такие тесные отношения помогали нам согласовывать весьма сложные вопросы нашей политики в атомной области, по которым между МИДом и Минсредмашем нередко возникали естественные расхождения, вызываемые разными подходами к некоторым проблемам. Например, с точки зрения МИДа, из внешнеполитических соображений и исходя из общегосударственных интересов было желательно договориться по какому-нибудь вопросу, например, по ограничению или прекращению ядерных испытаний, а с позиции наших атомщиков это могло оказаться невыгодным для них из тех или иных узковедомственных предпочтений<sup>7</sup>. Конечно, в конце концов решение принималось на высшем партийно-государственном уровне, но ведь требовалось согласование и на уровне ведомств, чтобы были учтены и их интересы. И здесь имело большое значение взаимопонимание и умение убедить собеседников. Благодаря хорошим контактам и с Емельяновым, и с Мороховым мне, да и некоторым другим мидовским работникам обычно удавалось найти точки соприкосновения с Минсредмашем, и со временем руководство МИД, как правило, поручало мне договариваться по тем или иным делам с руководящими работниками Минсредмаша, включая и министра Славского. Такая ситуация сохранилась и после ухода Емельянова и Морохова со своих постов в течение всей моей последующей дипломатической службы. Не могу не упомянуть в этой связи отличные отношения, которые сложились у меня в дальнейшем с другими ответственными работниками Минсредмаша – первым заместителем министра А.М. Петросьянцем и министром Л.Д. Рябевым, начальником главного управления по производству и испытанию ядерного оружия Г.А. Цырковым и другими.

Судьба Морохова весьма примечательна. Ему не было еще 30 лет, когда он стал начальником цеха на крупном авиационном заводе в Москве, а в 1948 г. его направляют на Урал для участия в строительстве и наладке нашего первого газодиффузионного завода по обогащению урана на комбинате 813 в Свердловске-44 (сейчас г. Новоуральск Свердловской области). Именно на этом заводе, еще далеко от надлежащего уровня производительности, был получен высокообогащенный уран для первой советской урановой бомбы, испытанной в 1951 г. Правда, завод Д-1 комбината 813, на котором работал Морохов, давал тогда уран только 75% обогащения, который затем доводился электромагнитным методом до более чем 90% обогащения на комбинате 418 в Свердловске-45 (ныне г. Лесной Свердловской области)<sup>8</sup>.

На Урале Морохов сделал быструю карьеру и, еще не достигнув 40 лет, стал в 1957 г. директором комбината 813 (сейчас он называется Уральским электрохимическим комбинатом) и на этом посту проработал до 1960 г., а затем был вызван в Москву и переведен на более высокую должность в центральном аппарате Минсредмаша. В сентябре 2004 г. я побывал в Новоуральске для чтения лекций для сотрудников ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований) Урала и Сибири, и мне было приятно узнать, что Игоря Дмитриевича там еще помнят, и что он пользовался большим авторитетом. Знакомая с городом, я все время как бы чувствовал рядом с собой Игоря Дмитриевича.

Сам он много рассказывал мне о красотах тамошней природы и об увлекательной жизни на Урале. Помню и его рассказ о посещении комбината Л.П. Берия, который был председателем Специального комитета по созданию атомного оружия. Влиятельный сановник приехал в Свердловск-44 спецпоездом осенью 1949 г. – в тот период, когда еще шли наладочные работы. Вместе с ним прибыли Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, И.В. Курчатов и другие. Дело тогда не клеилось в связи с проблемами создания пористых перегородок (фильтров) для газодиффузионных машин.

Морохов, как и другие руководящие работники завода, сопровождал Берия по цеху завода, который в длину имел не менее одного километра. При входе на завод, где было достаточно тепло, рассказывал мне И.Д., Берия сбросил с плеча свое пальто, и потом, когда важный гость дошел до выхода из цеха, пришлось посылать машину через весь цех, чтобы привезти пальто. Л.П. остался недоволен посещением и устроил всем разгон за то, что завод, который строился с 1946 г., все еще не дает качественную продукцию. Об этом свидетельствует и А.М. Петросьянец, который писал, что Берия сказал перед отъездом: «Даю вам сроку три месяца, чтобы все закончить, но если вы не обеспечите



за это время все, что от вас требуется, пеняйте не себя, а я заранее предупреждаю – готовьте сухари». Всем было ясно, какие кары могли последовать. Но в то же время Берия принял ряд необходимых организационных мер по оказанию реальной помощи заводу, в частности распорядился привлечь к решению возникших проблем некоторых крупных ученых, в том числе академиков А.Н. Фрумкина и А.П. Виноградова, а также и немецких специалистов. Первая продукция была получена уже в 1950 г.<sup>9</sup>

Большую роль сыграл И.Д. в продвижении планов перевода комбината с производства обогащенного урана газодиффузионным методом на более современный и высокотехнологичный – газоцентрифужный. Опытный завод на комбинате 813 по газоцентрифужному обогащению был выведен на расчетный режим в январе 1958 г. – в пору директорства Морохова. Это был первый в мировой практике опыт массовой эксплуатации газовых центрифуг.

На основе полученного опыта руководство комбината воочию убедилось в перспективности промышленного применения газоцентрифужного метода и стало добиваться форсирования строительства полномасштабного промышленного завода. Тогда в Минсредмаше еще до конца не определились, где строить первый такой завод – на Урале или в Сибири. Морохов в январе 1960 г. направляет министру Славскому письмо о недопустимости переноса сроков начала строительства промышленного газоцентрифужного завода на комбинате 813. И в августе 1960 г. министерством было утверждено проектное задание на строительство первого в мире промышленного газоцентрифужного завода на этом комбинате<sup>10</sup>.

Инициативность Морохова была высоко оценена, и он был переведен на весьма ответственную работу в центральный аппарат министерства. Вскоре после возвращения в Москву в 1960 г. И.Д. возглавил в Минсредмаше направление по организации научных исследований и много сделал для развития отраслевых НИИ и КБ, а через некоторое время его привлекли к курированию вопросов международных научных связей, а затем и международного сотрудничества. Вот тогда мы с ним и познакомились.

Между нами сложились отношения полного взаимного доверия, и работать с Мороховым мне и моим коллегам было очень легко. В 1970 г. мы тесно сотрудничали при выработке системы всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ применительно к обязательствам ядерных государств-участников ДНЯО (INFCIRC/153). Эта работа проходила в Вене в течение нескольких месяцев осенью 1970 г. и в начале 1971 г. Наибольшие трудности исходили тогда от западных немцев, но солидарные действия делегаций США и Советского Союза позволили разработать добротную систему гарантий.

Вместе с Мороховым и представителями Министерства обороны мы разработали позицию по пороговому ограничению подземных ядерных испытаний и провели переговоры, завершившиеся подписанием Ричардом Никсоном и Л.И. Брежневым 3 июля 1974 г. Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Совместно с И.Д. в 1975–1976 гг. мы провели переговоры о подземных ядерных взрывах в мирных целях, и соответствующий договор был подписан Брежневым и Джеральдом Фордом 28 мая 1976 г. Наконец, в 1977 г. начались переговоры в Вашингтоне о полном запрещении ядерных испытаний, которые были продолжены в Женеве уже в трехстороннем формате с участием Великобритании. Морохов был главой делегации на этих переговорах до 1978 г.

И тут над ним стали сгущаться тучи. По моим собственным наблюдениям и по рассказам некоторых из наших общих знакомых, у Морохова были хорошие перспективы занять еще более высокий пост в атомной отрасли. Он был энергичен, отлично знал атомное производство, зарекомендовал себя крепким администратором, руководя на Урале огромным многотысячным комбинатом, был вовлечен и в государственную деятельность с выходом на международную арену. При этом был сравнительно молод, практически здоров (хотя в свое время и перенес жестокий инфаркт), вхож к высшему руководству страны, которое хорошо его знало.



Но постепенно стали замечать, что он несколько переоценивает свои возможности, и это, конечно, не могло понравиться его министру Славскому. Рассказывают, что на заседаниях Политбюро он мог позволить себе высказать самостоятельное мнение в присутствии своего министра, что не было принято делать. Мне было доподлинно известно, что когда в 1974 г. в узком кругу (Брежнев, Косыгин, Подгорный, Громыко, Славский) решался вопрос о количественном пороге ограничения подземных ядерных испытаний, присутствовавший на этом заседании Морохов позволил себе высказать мнение Минсредмаша, хотя там был и Славский, и о своем активном участии в обсуждении вопроса И.Д. сам с гордостью потом рассказывал мне. Видимо, он думал, что настало или вот-вот настанет его время. Но Славский, несмотря на свой весьма почтенный возраст (ему тогда было за 75 лет), проработал на министерском посту еще 10 или более лет.

Конец карьеры Морохова был и печальным, и весьма банальным. И.Д. стал много лишнего позволять себе: девушки, вино, и все это происходило открыто, в присутствии посторонних, среди которых бывали и те, кому вменялось в обязанность внимательно следить за *благонадежностью* и *добропорядочностью* наших работников, особенно в заграничных условиях. Этим в Минсредмаше его недруги и воспользовались. Все кончилось тем, что в начале 1978 г. он был снят с поста руководителя делегации на переговорах по запрещению ядерных испытаний, а через некоторое время ему пришлось покинуть и должность заместителя министра среднего машиностроения. К сожалению, он не очень понимал, почему это произошло, решив, очевидно, что ему *подставили ножку*. Как я узнал позже, Морохову даже показалось, что к этому причастны и мидовцы. Спустя какое-то время я попытался разъяснить ему, что, с моей точки зрения, в действительности с ним произошло, но откровенного разговора не получилось, и наши контакты с ним постепенно сошли на нет, а потом он стал серьезно болеть. А жаль, что такой действительно незаурядный человек не стал ведущим администратором в такой важной, критической для страны области и даже, может быть, и более крупным государственным деятелем, имея для этого все возможности, кроме одной – умения последовательно, не забегая вперед и не опережая событий, двигаться к своей цели.

## СИМФОНИЯ СИМФОНИЙ

Многие годы я мечтал прослушать *живьем* (запись ее у меня имеется) Восьмую симфонию Густава Малера. Ее еще называют «симфонией тысячи участников». Она исполняется чрезвычайно редко, поскольку для этого требуется несколько сот участников: большой оркестр – тройного или даже пятерного состава, орган, по крайней мере, два хора, хор мальчиков, 8 солистов. Симфония была написана Малером в 1906 г. и впервые исполнена в Мюнхене в 1910 г. В России она исполнялась, кажется, всего пять или шесть раз (в том числе 19 декабря 2005 г. под руководством маэстро Владимира Федосеева).

На этот раз за ее исполнение взялся маэстро Валерий Гергиев с оркестром Мариинского театра, и я решил съездить в Санкт-Петербург на концерт, который состоялся 27 ноября 2004 г.

Часто эту симфонию называют *симфонией симфоний*. Сам Малер писал: «Я только что закончил мою Восьмую симфонию – величайшее из того, что я до сих пор создал. Сочинение настолько своеобразно по содержанию и по форме, что о нем невозможно рассказать в письме. Кажется, будто начинает звучать и звенеть вся вселенная; поют не только человеческие голоса, но и вращаются планеты и солнце...». Симфонию Малер посвятил своей жене Альме Мари. Он ей писал:

«Все преходящее – только символ, сравнение, которое, будучи выражено на языке наших земных явлений, лишь приблизительно, но там явится нечто, освобожденное от плоти земной приблизительно, и нам не нужны будут тогда ни иносказательные описания, ни сравнения, символы, там свершится то, что я здесь пытался описать, но чего описать нельзя. Что же это? Я могу ответить вам лишь символом: вечно женственное влечет нас – мы достигли его – мы покоимся – мы владеем тем, к чему на земле могли лишь тянуться, стремиться. Христос называет это вечным блаженством...».

Финал Восьмой – это стремление к вселенской гармонии. В заключение симфонии хор поет:

«Лишь символ – все бренное,  
Что в мире сменяется;  
Стремленье смиренное  
Лишь здесь исполняется;  
Чему нет названия,  
Что вне описания, –  
Как сущность конечная  
Лишь здесь происходит.  
И женственность вечная  
Сюда нас возводит».

(«Фауст», И.В. Гёте. Пер. Н. Холодковского).

Где-то я читал, что Густав Малер обычно сочинял свои симфонии и другие произведения не у себя дома за инструментом, а бродя по своим любимым горам – Альпам, дома же он только записывал и оркестровал. Мне это очень понятно, потому что в молодости я истоптал много горных троп в Швейцарских и Австрийских Альпах, а также и на Северном Кавказе и испытывал особенное ни с чем не сравнимое блаженство, когда добирался до перевалов или горных вершин. Малер страдал от сердечной болезни, но продолжал ходить в горы. Он умер 51 года от роду.

## ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА

За прошедшие без малого 50 лет деятельности Международного агентства по атомной энергии назначение его Генерального директора часто создавало проблемы и вызывало споры. Думаю, основная причина состоит в том, что само Агентство, а потому и его главное должностное лицо играют весьма важную политическую роль в международных делах, особенно с учетом того, что МАГАТЭ занимается волнующими всех проблемами атомной энергии и ядерного нераспространения.

В 1961 г. Советский Союз категорически возражал против назначения на этот пост шведа Зигварда Эклунда по той причине, что раз первым генеральным директором был американец Стерлинг Коул, то следующим должен быть либо представитель социалистической страны (предлагался профессор из Болгарии, фамилия которого, насколько помню, кажется, была Наджаков), либо, как это громогласно пропагандировал Н.С. Хрущев, руководить международными организациями должны *тройки*, представляющие Запад, Восток и страны *третьего мира*.

Генеральная конференция Агентства, тем не менее, утвердила Эклунда на должность Генерального директора подавляющим большинством голосов (46 – «за», 16 – «против» при 5 воздержавшихся). И в знак протеста советские представители В.С. Емельянов и В.М. Молотов покинули зал заседаний конференции, при этом Емельянов объявил, что не будет иметь с Эклундом никаких отношений. Впрочем, скоро эти отношения не только отлично наладились, но и Советский Союз в дальнейшем четыре раза поддерживал повторные назначения шведа на этот четырехлетний пост и, полагаю, был бы готов проголосовать за него и еще раз, если бы тот проявил интерес к тому, чтобы и дальше оставаться в руководстве Агентства. В целом Эклунд занимал должность Гендиректора 20 лет (его, как и преемников, обычно называют *DG* – сокращение от английского *Director General*), и у наших представителей, в том числе у меня, установились с ним самые теплые отношения. Он получил титул *Director General Emeritus*, сохраняя его до своей кончины. Мы часто встречались с ним и после его выхода в отставку в 1981 г., дружили лично и домами.



На смену Эклунду пришел еще один шведский представитель – Ханс Бликс. Получилось это так. Западные страны выдвинули в 1981 г. кандидатуру представителя ФРГ – статс-секретаря министерства по исследованиям и технологиям Ханса Хауншилда. В противовес ему развивающиеся страны предложили кандидатуру Доминго Сиазона, представителя Филиппин. Советский Союз не устраивал ни тот, ни другой кандидат. Когда дело дошло до голосования, то никто из имеющихся кандидатов, несмотря на ряд повторных голосований, не смог набрать необходимое число голосов. И в этой тупиковой ситуации появилась кандидатура статс-секретаря МИД Швеции, бывшего министра иностранных дел страны Ханса Бликса, видного юриста-международника, опытного и известного дипломата. Он и был утвержден Генеральной конференцией Агентства в последний день ее работы 26 сентября 1981 г. и пробыл на посту Генерального директора 16 лет – до 1997 г., когда на это место был назначен нынешний Генеральный директор Мохамед Эльбарадей (Египет).

С Бликсом у меня тоже установились доверительные отношения, мы много раз встречались *tête-à-tête* то у меня, то у него дома. Особенно часто мы друг с другом советовались во время кризисных ситуаций, в частности, во время событий в Ираке в 1991 г. или в связи с ситуацией в Северной Корее в 1993–1994 гг. В том, что касается последнего случая, то я уже был в отставке, но неоднократно приезжал в Вену. А как-то раз мы встречались в Нью-Йорке, куда я приезжал из Монтеррея. Х. Бликс пригласил меня стать своим внештатным консультантом, им я и был в течение 10 лет, в том числе и при его преемнике М. Эльбарადее.

Помню обсуждения с Бликсом, в ходе которых мы высказывали друг другу наши сомнения и колебания при рассмотрении вопроса об объеме и характере гарантий МАГАТЭ в соответствии с так называемой Рамочной договоренностью между США и КНДР от октября 1994 г. Дело в том, что по этой договоренности гарантии Агентства в Северной Корее должны были вводиться в действие поэтапно, начиная с наблюдения за процессом замораживания графитового реактора, производящего плутоний, и далее по мере строительства и ввода в строй в КНДР АЭС, которую должен был построить международный консорциум КЕДО. При этом не все подозреваемые ядерные объекты охватывались бы гарантиями. Такая процедура не соответствовала ни букве, ни духу действующей системы гарантий. Тем не менее, все же на тот период рассматриваемый вариант был, наверное, единственным выходом из создавшегося положения, поскольку главная задача состояла в том, чтобы удержать КНДР в рамках ДНЯО и всего международного режима ядерного нераспространения. После длительных обсуждений мы пришли к выводу, что иного выхода, чем тот, который должен был быть зафиксирован в указанной двухсторонней договоренности между КНДР и США, учитывая жесткую позицию Северной Кореи, реально просто не существовало. Такой режим в КНДР сохранялся около 10 лет, что немало. Правда, потом Северная Корея все же вышла из ДНЯО, но это уже другая история.

После иракских событий 1991 г. Бликс мужественно взял на себя ответственность за то, что система гарантий МАГАТЭ не выявила тайную деятельность Ирака по созданию ядерного оружия, уже в 1992 г. по его предложению Советом управляющих Агентства были приняты срочные решения по повышению эффективности гарантий, а в 1993 г. он объявил о «программе 93+2» по кардинальному улучшению всей гарантийной системы. В итоге в 1997 г., незадолго до его ухода с поста Гендиректора, Советом был одобрен Дополнительный протокол к системе гарантий, который позволяет Агентству контролировать не только объявленную, но и необъявленную ядерную деятельность в государствах. К сожалению, к настоящему времени это очень полезное дополнение к системе гарантий фактически действует в не очень большом числе государств.

Немалые сложности были и с назначением в 2005 г. Мохаммеда Эльбарადея на очередной (третий) четырехлетний срок из-за сопротивления администрации США, которой не понравились его действия, вполне объективные и беспристрастные, при проведении инспекций МАГАТЭ в Иране. Но в конце концов Соединенным Штатам пришлось буквально стиснув зубы уступить. Эльбарადей был переназначен на основе консенсуса. А в

конце 2005 г. МАГАТЭ и его Генеральный директор были удостоены Нобелевской премии мира.

## В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

С Ричардом Кершманом я познакомился в 1960 г. по поводу покупки здания для советского представительства при ООН. Он был молодым маклером по недвижимости и в течение нескольких месяцев помогал мне в поисках подходящего по заданным параметрам варианта, отвечающего требованиям безопасности, расположенного в престижном районе города вблизи от ООН и т.д. Обычно в поисках мы колесили по Нью-Йорку по субботам и воскресеньям, потому что на неделе я был занят своими прямыми обязанностями в представительстве. Иногда в поездках по городу участвовала и моя жена. Не раз я показывал подходящие здания нашему тогдашнему постоянному представителю при ООН В.А. Зорину. Мы изъездили город вдоль и поперек, и я основательно познакомился с рынком недвижимости. Правда, в конце концов подходящее здание предложил другой маклер, но без тех знаний рынка, которые были приобретены мною благодаря Ричарду, нам вряд ли удалось бы сделать правильный выбор. Чтобы закончить историю с покупкой дома, скажу, что на его приобретение и оборудование было выделено 3,5 млн долл. при условии, что мы продадим старое здание по *Park Avenue* не менее, чем за 1,2 млн. Но продажу старого здания осуществил уже другой человек – Юлий Воронцов, который сменил меня на посту советника представительства в 1963 г. после моего возвращения домой из заграникомандировки. В том здании по 67-й улице, которое было приобретено в 1961 г., наше представительство размещено до сих пор.

Ричард Кершман – замечательный человек, крепкая дружба с ним связывает меня с тех самых пор, то есть уже более 45 лет. Он недолго оставался в Нью-Йорке и вскоре перебрался в Калифорнию – в район Сан-Франциско (по местному – *Bay Area*), где довольно быстро сколотил на покупке и продаже недвижимости неплохое состояние. В частности, он подобрал и обеспечил земельный участок для одного из небоскребов в центре города. Одновременно он приобретает несколько небольших, но весьма доходных зданий, которые с тех пор приносят ему постоянный и, видимо, достойный доход. И вдруг, лет в 45, Ричард принимает самое важное в своей жизни решение – бросает все дела и начинает жить частной жизнью. Мы никогда не обсуждали с ним его или мои денежные дела, но я уверен, что Ричард никогда не придавал деньгам то значение, которое обычно придает средний американец.

Чтобы создать для себя удобные жизненные условия, Ричард покупает большой и довольно гористый земельный участок к северу от Сан-Франциско в местечке *Dogtown* (население 31 чел.) в районе *West Marin County* недалеко от небольшого населенного пункта *Bolinas*, в прошлом известного как излюбленное место пребывания американских хиппи. Там он строит большой деревянный дом из калифорнийской секвойи (*California Redwood*), состоящий из семи уровней. Причем расчетливый Ричард использует в качестве строительного материала даже разобранный деревянный пирс с Сан-Францисской гавани. Как известно, секвойя не подвержена гниению из-за особого состава своей смолы, не подвергающейся воздействию термитов, и ее древесина является практически вечным материалом. Некоторые деревья живут тысячи лет. Ричард сам спроектировал дом и даже лично принимал участие в его строительстве. Об этом доме в свое время писали архитектурные журналы, в том числе и один французский.

После отъезда Ричарда в Калифорнию мы одно время переписывались, а потом, когда я вернулся в Москву, связь прекратилась, и так случилось понятно почему – частная переписка с иностранцами тогда настоятельно не рекомендовалась. Но 20 с лишком лет спустя я вновь приехал на работу в наше представительство в Нью-Йорке, на этот раз уже в качестве первого заместителя постоянного представителя при ООН, и несколько раз выступал по телевидению в известной новостной и дискуссионной программе *Nightline* с популярным телеведущим Тедом Копполом. Ричард вместе со своей подругой Дорис смотрел эту программу и, узнав на телеэкране меня, связался со мной. И вот



Ы  
И  
И  
И  
Н  
О  
Т  
А  
Т  
С  
И  
С

через 25 лет мы встретились в Нью-Йорке вновь. С тех пор наша тесная дружба продолжается.

Ведя частную жизнь все эти годы, Ричард отнюдь не является отшельником, полностью ушедшим в себя. Долгое время он состоял членом добровольной пожарной дружины городка *Bolinas* (и, следовательно, добровольным полицейским), постоянно участвовал и участвует в различных общественных делах и благотворительных акциях, глубоко интересуется экологией своей округи, имеет множество друзей и знакомых, с которыми у него сложились прекрасные интеллектуальные контакты. Я уже не говорю о том, что он практически единолично поддерживает в прекрасном состоянии свой обширный дом, будучи мастером на все руки.

Мне удалось не раз навестить его, с ним познакомились моя ныне покойная жена, сын, невестка, внучка, и дети с тех пор сами навещают его, приезжая в Америку. В 1989 или 1990 гг., когда я работал в Вене, Ричард и Дорис посетили меня там и жили у меня несколько дней. Во время их пребывания в Европе я устроил их поездку в Прагу к моему чешскому другу Томашу Лаходе и его жене Иржине, и сам их туда возил на пару дней.

Сейчас, когда я постепенно перехожу от публичной жизни к частной, пример Ричарда является для меня в какой-то мере путеводной звездой, если это не звучит слишком высокопарно. Только посмотрите, как он и Дорис наслаждаются простыми радостями частной жизни. Может быть, в этом и заключаются великая правда и смысл жизни. Привожу очень характерное письмо, написанное Ричардом после его поездки на Аляску в 2005 г.:

«Одна из многих причин, почему я люблю жить в Dogtown'e, это то, что там ничего не меняется. Конечно же, многое претерпевает неизбежные изменения: я старею и события и различные интриги, которые происходят в мире, – и радуют и огорчают меня, но здешняя обстановка остается устойчивой и надежной, развиваясь только со скоростью самой природы. Например, росток секвойи длиной в 6 дюймов, который я посадил 30 лет тому назад, достиг сейчас пятидесятифутовой высоты. Гордился бы я больше, если бы у меня были сын или дочь, завершающие медицинское образование. И вообще, как и с помощью какого мерила определять человеческие ценности?!

Я испытываю и чувство безопасности, поскольку и у Дорис, и у меня хорошее здоровье, а в подвале есть дрова для камина, чтобы обогревать наш дом в предстоящую зиму, холодильник набит продуктами, в банке лежат кое-какие деньги. Все это, конечно, является иллюзией, поскольку может испариться в любую минуту. Но, тем не менее, это утешает, как утешают и многие другие иллюзии, которыми я себя тешу.

В последнее время я стал более серьезно учиться игре на флейте – и хожу на уроки каждую неделю. Почти ежедневная практика заметно улучшает мою игру, что доставляет мне удовольствие и в то же время удивляет меня. Иногда я участвую в трио с моей учительницей и одним виолончелистом. Мы исполняем произведения Гайдна для трио, а также и другие произведения.

Не так давно моя учительница устроила концерт для своих учеников. Это было мое первое *публичное* исполнение. Всем остальным участникам концерта было лет по 13. Как это было замечательно! Я получил большое удовольствие.

Недавно мы с Дорис ездили на Аляску – это было наше первое посещение. Какое удивительное место! По размерам это четверть площади континентальных Соединенных Штатов с населением всего около 600 тыс. чел. Аляска – не место для изучения архитектуры, но ее природа замечательна. Мы проплавали пять дней на небольшом каяке в заливе *Glacier*, ловили рыбу, видели китов и медведей. Стоя в речушке с поднимающимися по ней на нерест лососями, мы в 10 ярдах от себя увидели медведя гризли, который вышел из леса, чтобы полакомиться свежей рыбой. К нему вскоре присоединились еще три гризли. Но они не проявили к нам абсолютно никакого интереса.

Нас совершенно поразило сильное присутствие на Аляске русских. Множество русских православных церквей. И много людей в русской одежде XIX века, которые дома у себя говорят между собой по-русски. После стольких поколений это просто замечательно.

Я огорчен тем, что в этом году ты не приедешь в Калифорнию. Я, разумеется, согласен с тем, что поездки стали для нас все более труднодоступными. Мы часто предпочитаем оставаться дома, нежели мириться с неудобствами путешествий. Может быть, мы как-нибудь навестим тебя в Москве – да случится это....

Как обычно, после ежегодного шестимесячного перерыва вновь зачастили дожди. Это наша странная весна. У оленей весенняя горячка, а лосось скоро по речкам пойдет на нерест. Водоплавающие птицы начинают прилетать, чтобы укрыться здесь от зимних холодов на севере. Замечательно!

Надеюсь, что мое письмо найдет тебя в добром здравии. Передай мои приветы Андрею и его семье, когда ты их увидишь».

И еще одно тоже весьма примечательное письмо Ричарда с выражением благодарности Богу за все:

«Если бы меня попросили выразить мои самые сокровенные чувства, то я отослал бы вопрошающего к этому стихотворению:

#### «Благодарность

Если ты проснулся сегодня утром,  
Почувствовав себя скорее здоровым, чем больным,  
То ты счастливее тех миллионов людей,  
Которые не доживут до конца этой недели.

Если ты никогда не был в опасном бою,  
Не испытал одиночества тюремного заключения,  
Агонии пыток,  
Или приступа голода,  
То ты в лучшем положении,  
Чем 20 миллионов человек,  
Живущих на этом свете.

Если ты идешь в церковь,  
Не испытывая тревоги,  
Не опасаясь ареста, пыток, смерти,  
Ты более благословлен,  
Чем три миллиарда человек,  
Живущих в мире.

Если в твоём холодильнике есть продукты,  
Ты одет, а над твоей головой имеется крыша,  
Если у тебя есть место для сна,  
То ты богаче, чем три четверти  
Населения земного шара.

Если у тебя есть деньги в банке  
Или в твоём бумажнике, а еще лишняя мелочь  
В какой-нибудь тарелке,  
То ты в числе 8% самых богатых людей мира.

Если твои родители еще вместе и еще живы,  
То это очень редкий случай,  
Особенно в Соединенных Штатах.

Если ты ходишь с высоко поднятой головой  
И с улыбкой на своем лице,  
И если ты воистину благодарен за все,  
То ты счастлив, как и многие тоже счастливы,  
Но большинство людей на это неспособны.


Если ты можешь взять кого-нибудь за руку,  
Прижать его руки к себе или обнять человека за плечи,  
То ты должен быть счастлив,  
Потому что ты можешь  
Протянуть ему  
Исцеляющее прикосновение руки Господа.



Ы  
И  
Ц  
И  
И  
Р  
Н  
О  
А  
Т  
Р  
С  
Т  
И  
С

Если ты можешь прочитать это стихотворение,  
Ты более благословлен,  
Чем более двух миллиардов человек в мире,  
Которые вообще не умеют читать.

Ты счастлив так,  
Как ты даже и не знаешь,  
Почему ты счастлив».

Читая это стихотворение, такое проникновенное и написанное с таким здоровым чувством, но и с легкой иронией, а в то же время с таким горячим чувством благодарности за данную Господом радость жизни, что невольно вспоминаешь широко известный акафист «Слава Богу за все» митрополита Трифона (Туркестанова), который жил в позапрошлом и прошлом веках (1861–1934). 

## Примечания

<sup>1</sup> Dobrynin Anatoly. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House, 1995. P. 149.

<sup>2</sup> Ibid. P. 150–151.

<sup>3</sup> Док. МАГАТЭ INFCIRC/254. О том, как разрабатывались Руководящие принципы для ядерного экспорта, см.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М.: ПИР-Центр политических исследований, 2000.

<sup>4</sup> Sieben und Siebzig Professoren, Vaterland, du bist Verloren!

Ни тогда, ни сейчас немецкий язык не является официальным языком ООН. Но один из устных переводчиков, сидящих в будках, перевел его на один из официальных языков, а другие – на остальные языки.

<sup>5</sup> Руководство МИД и сам Громыко явно пытались свалить вину за измену Шевченко на бедного Сташевского, которого перестали выпускать за границу. Многие друзья Сташевского считают, что история с отзывом Шевченко в Москву сыграла не последнюю роль в его преждевременной смерти от сердечного приступа.

<sup>6</sup> Shevchenko Arkady. Breaking With Moscow. N.Y.: Knopf, 1985. В 2004 г. вышел перевод книги на русский язык.

<sup>7</sup> Напомним о таком хорошо известном случае, когда в 1995 г. министр Минатома В.Н. Михайлов подписал с иранцами протокол о намерении поставить в Иран газоцентрифужный завод. Михайлов был позднее дезавуирован Б.Н. Ельциным. Можно напомнить и о том, что в 1992 г. Минатом добился разрешения правительства Ельцина соорудить газоцентрифужный завод в Китае, что являлось ошибочным решением, по мнению многих политических деятелей. Я тоже считаю это решение недалекновидным со стратегической и геополитической точек зрения.

<sup>8</sup> Любопытно, что тем же путем шли и американцы. Они получали обогащенный уран газодиффузионным методом и доводили его на циклотроне до более высокой степени обогащения. Хиромская бомба была 84-процентного обогащения. Мой американский друг Герберт Йорк рассказывал мне, что он в 1944–1945 гг., будучи еще молодым специалистом, занимался как раз дообогащением урана на циклотроне (американцы называли его, о чем я упоминал, *калютроном* по названию штата Калифорния, поскольку его конструкция была разработана Нобелевским лауреатом Эрнестом Лоуренсом в Калифорнийском университете в г. Беркли – недалеко от Сан-Франциско). По словам Герберта, в июне 1945 г. было получено указание прекратить дообогащение, и он понял, что для первой урановой бомбы накоплено достаточное количество оружейного материала.

<sup>9</sup> Создание первой советской ядерной бомбы. Цит. соч. С. 278–279; Е.Т. Артемов, А.Э. Бедель. Укорошение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Новоуральск, 1999. С. 55–60.

<sup>10</sup> Артемов, Бедель. С. 137–138.